

Изъ религіозной жизни алтайскихъ инородцевъ.

Въ религіозной жизни алтайскихъ инородцевъ въ послѣднее время наблюдается чрезвычайно любопытное явленіе, заслуживающее самаго серьезнаго вниманія. Я говорю о томъ кризисѣ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ алтайцевъ-шаманистовъ, выразителемъ котораго явился бѣдный алтайскій пастухъ Четъ Челпановъ, своей проповѣдью въ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль глубоко взволновавшій весь языческій Алтай и побудившій своихъ послѣдователей,—а его послѣдователями оказались чуть не три четверти всѣхъ алтайцевъ-язычниковъ,—рѣзко разорвать съ „вѣрой отцовъ своихъ“ и принять иные религіозные принципы. Я говорю о томъ религіозномъ движеніи на Алтаѣ, которое полтора года назадъ такъ сильно на шумѣло въ Сибири, и однимъ изъ эпизодовъ котораго было извѣстное кровавое избіеніе молившихся алтайцевъ многотысячной толпой православныхъ, получившихъ на это дѣло благословеніе епископа Макарія бійскаго и предводительствуемыхъ бійскимъ исправникомъ Тукмачевымъ.

Интересъ, возбуждаемый этимъ движеніемъ, двойной—внутренній и внѣшній, если можно такъ сказать. Это, во 1-хъ, интересъ, который не можетъ не возбуждать процессъ ломки одного религіознаго міросозерцанія и замѣны его другимъ, новымъ, еще слагающимся, только отливающимся въ опредѣленныя формы, но уже настолько сильнымъ и привлекательнымъ, что оно оказалось способнымъ приковывать къ себѣ сердца людей и подвигать ихъ на страданія и жертвы; во 2-хъ, не менѣйшій, а съ извѣстной точки зрѣнія, пожалуй, и большій интересъ представляетъ наблюденіе и того, какъ подобное явленіе отражается на окружающей средѣ, какъ на него реагируетъ та внѣшняя сила, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ и прямымъ давленіемъ которой про-

текаетъ вся жизнь, а въ частности и ея религіозныя проявленія не только алтайскихъ инородцевъ, но и всего русскаго народа,—самодержавно-полицейская власть, олицетворяющая собою нашу государственную машину.

Здѣсь тѣсно сплетаются интересы научнаго наблюденія съ общественно-политическими: алтайское религіозное движеніе, давая возможность заглянуть въ темную область раннихъ религіозныхъ образованій, въ то же время озаряетъ яркимъ пламенемъ мрачныя глубины религіозной нетерпимости, которая характеризуетъ страну, гдѣ нѣтъ свободы совѣсти, гдѣ личность человѣка и его неприкосновенность никогда не были гарантированы закономъ.

Въ этомъ именно и заключается, по моему мнѣнію, крупное научно-общественное значеніе алтайскихъ событій лѣта 1904 года, фактическія данныя о которыхъ предлагаются ниже вниманію читателя.

I.

Въ то время, когда все вниманіе русскаго народа было приковано къ развертывавшимся событіямъ на Дальнемъ Востокѣ, когда и безъ того нервы всѣхъ были до крайности напряжены, и каждый съ жадностью набрасывался на телеграфныя сообщенія, тщетно ища въ нихъ разгадки своимъ тревогамъ и опасеніямъ,—въ это самое время на Алтаѣ случилось нѣчто такое, что на моментъ сюда вдругъ направились взоры всѣхъ, и Алтай сталъ предметомъ, если не особенно умныхъ, то все же оживленныхъ обсужденій и разговоровъ. Алтаю неожиданно стали благосклонно удѣлять вниманіе даже тѣ, кто давнымъ давно забылъ, гдѣ онъ находится и никогда не зналъ, кѣмъ онъ заселенъ,—что, впрочемъ, ничуть не помѣшало категоричности высказывавшихся сужденій. Россійское телеграфное агентство сообщило слѣдующее: „Получено извѣстіе, сообщалось въ телеграммѣ изъ Бійска, что среди монголовъ, жителей Алтая, возникло броженіе, вызванное ожиданіемъ якобы скорого пришествія ихъ бога Айрота, который долженъ освободить ихъ отъ ига иноземцевъ и образовать самостоятельное царство. Собираются монголы тысячами по призыву трехъ неизвѣстныхъ человѣкъ, которые выдаютъ себя за апостоловъ Айрота и, чтобы вну-

шить къ себѣ довѣріе, дѣйствуютъ на невѣжественныхъ монголовъ чудесами въ видѣ разныхъ электротехническихъ и пиротехническихъ фокусовъ, для чего имѣютъ надлежащіе аппараты“.

Здѣсь, въ этой телеграммѣ, на лицо все, чѣмъ такъ часто блещутъ сообщенія двухъ нашихъ телеграфныхъ агентствъ, особенно въ послѣднее время: невѣжество (на Алтаѣ монголовъ нѣтъ вовсе), развязное лганье и политическій доносъ на какую-то невѣдомую самому автору телеграммы народность. Все это вмѣстѣ взятое давало рѣзко-пахучій букетъ и производило сенсацію. За первымъ сообщеніемъ послѣдовало и другое: не только три апостола, но и самъ богъ Айротъ появился на Алтаѣ и поселился въ особой юртѣ, изъ глубины которой и сѣетъ „смуту“ среди народа, стекающагося къ ней „тысячами“. Но въ чемъ состояла вносимая въ умы „монголовъ“ смута, — агентство не могло сообщить, такъ какъ, вкусивъ сладости ея, жители благословеннаго Алтая стали „серьезнѣе“ въ своихъ сношеніяхъ съ русскими и ничего имъ не говорятъ о совершающихся въ ихъ средѣ событіяхъ, и агенство доподлинно узнало лишь одно, что богъ Айротъ запрещаетъ своимъ адентамъ брать русскія бумажныя деньги, предупредивъ, такимъ образомъ, на полтора года русскихъ „революціонеровъ“ съ ихъ „манифестомъ“...

Легенда о появленіи бога Айрота была пущена и начала перекатываться изъ одной газеты въ другую, обростая по пути соображеніями и украшеніями лицъ, изъ которыхъ многіе впервые услышали не только объ Айротѣ, но и самихъ инородцахъ Алтая.

Къ сообщеніямъ о появленіи трехъ апостоловъ и одного бога прибавились вѣсти о хитроумныхъ проискахъ японцевъ, приславшихъ на Алтай своихъ эmissаровъ, которые внушаютъ будто бы инородцамъ, что скоро придетъ „Японъ-ханъ“ и освободитъ ихъ отъ русскаго господства. Къ разсказамъ о воспрещеніи богомъ Айротомъ алтайскимъ инородцамъ принимать русскія бумажныя деньги присоединились „достоверныя извѣстія“, что алтайцы скупили въ краѣ весь запасъ пороха и кумача, готовясь къ возстанію. Короче говоря, на Алтаѣ зрѣла революція, на знамени которой было

написано „богъ Айротъ“, и которая должна была поддерживать Японію въ ея борьбѣ съ Россіей.

Опасность серьезная, требовавшая быстрыхъ и, главное, энергичныхъ дѣйствій... Зло должно быть пресѣчено въ самомъ началѣ и въ корнѣ... Но, оставляя въ сторонѣ всю ту болтовню въ печати и въ „мѣстныхъ административныхъ сферахъ“, какой сопровождались эти событія, можно спросить: что же случилось въ самомъ дѣлѣ на Алтаѣ, что вызвало всю эту болтовню и всѣ тѣ подлинныя тревоги, которыми сопровождалось религіозное движеніе среди алтайскихъ инородцевъ? А случилось вотъ что.

„18-го іюня разнесся слухъ, что томскій губернаторъ приказалъ кому слѣдуетъ собрать какъ можно болѣе вооруженныхъ людей и силою разогнать калмыковъ, которые уже болѣе мѣсяца, какъ собрались въ долину „Тернѣ“, въ 20 верстахъ отъ села Усть-Канѣ, и тамъ что-то дѣлаютъ. Въ этотъ же день епископъ бійскій Макарій и уѣздный исправникъ Тукмачевъ прибыли изъ Онгудая въ с. Усть-Канѣ. 19-го іюня съ утра наблюдалось въ с. Усть-Канѣ необыкновенное движеніе. Группы вооруженныхъ всадниковъ русскихъ, новокрещеныхъ и некрещеныхъ калмыковъ прибывали отовсюду въ с. Канѣ. Къ вечеру ихъ уже насчитывалось болѣе 600 человекъ, и с. Канѣ приняло видъ военного лагеря. Тамъ и сямъ ярко потрескивали костры, вокругъ которыхъ мелькали фигуры оживленно бесѣдовавшихъ вооруженныхъ людей. Къ вечеру 20-го іюня съѣхавшихся насчитывалось болѣе 1000 человекъ. Въ 5 часовъ вечера раздался звонъ колокола, сзывающій ратниковъ къ молебну предъ походомъ противъ калмыковъ-язычниковъ. Церковная площадь наполнилась тысячами вооруженныхъ людей. При пѣніи тропаря св. Николаю крестный ходъ послѣдовалъ изъ храма на площадь, и духовенство шествовало во главѣ своего архипастыря—начальника миссіи. На площади на приготовленномъ мѣстѣ, былъ отслуженъ водосвятный молебенъ, всѣ молящіеся приложились къ св. кресту и окропились св. водой. Предъ молебномъ епископъ бійскій, Макарій, сказалъ напутственное слово собравшимся. Сказанное слово владыки было проникнуто *любовію къ ближнимъ*, особенно къ тѣмъ дѣтямъ природы, которыя, сами не зная что дѣлаютъ, слѣдовали по стопамъ своихъ руководителей, дѣйствующихъ по наущенію князя тьмы—дѣвола. Владыка *молилъ* собравшихся не дѣлать никакихъ насилій противъ младенствующихъ сыновъ Алтая—калмыковъ; *молилъ* сожалѣть о нихъ, какъ о своихъ заблудшихъ меньшихъ братьяхъ, павшихъ въ обманъ нечестивыхъ. Благословляя собравшихся, владыка призывалъ ихъ имѣть въ сердцѣ своемъ христіанскія добродѣтели: смиреніе, терпѣніе, любовь и кротость. Слово его нашло откликъ въ сердцахъ многихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ происшедшія событія. По окончаніи молебна исправникъ Тукмачевъ произвелъ смотръ своей рати, которую за утро онъ долженъ былъ вести на битву съ калмыками. Вся „армія“ была раздѣ-

лена на три части. Первый отрядъ въ 400 человѣкъ, вооруженныхъ винтовками, былъ ввѣренъ приставу 2 стана г. Андроникову. Второй отрядъ въ 500 человѣкъ находился подъ начальствомъ пристава 5 стана Бучинскаго. Третій отрядъ въ 300 человѣкъ подъ предводительствомъ урядниковъ находился уже въ 25-ти верстахъ отъ с. Кана въ тылу калмыковъ, дабы отрѣзать имъ путь къ бѣгству. Появился отрядъ въ 100 человѣкъ исключительно изъ некрещеныхъ калмыковъ, не принимавшихъ участія въ дѣйствіяхъ главара Чета и движеніи калмыковъ. На ихъ шапкахъ развѣвались красныя ленты, знакъ отличія ихъ отъ послѣдователей Чета и движенія калмыковъ. Общее начальство надъ всеми отрядами принялъ на себя исправникъ Тукмачевъ.

Сидя верхомъ на лошади, онъ объѣзжалъ ряды. При вечерней тишинѣ голосъ его раздавался на площади. Онъ давалъ совѣты, приказанія, распоряженія и увѣщанія; ослушникамъ своихъ приказаній и распоряженій объявлялъ угрозы и наказанія. Сдѣлавъ надлежащія распоряженія, окончивъ смотръ „войскамъ“, исправникъ приказалъ всемъ разойтись по станамъ, предупредивъ, дабы они собрались по первому же звону колокола.

Площадь опустѣла.

Ночной мракъ спустился на землю и окуталъ равнину. Кое-гдѣ мелькали огоньки въ домахъ; вдали, за селомъ, пламени разложенныхъ костровъ взвивались вверхъ, и дымъ, разстилаясь по землѣ, заволакивалъ непроницаемой пеленой окружающихъ.

Затѣмъ все смолкло, и огоньки и костры потухли, наступила таинственная тишина.

Въ 2 часа полуночи съ колокольни раздался первый ударъ колокола. Звукъ его грозно разнесся въ ночной тишинѣ, могучимъ эхомъ отзывался въ ближнихъ горахъ и затихъ гдѣ-то вдали. Удары послѣдовали за ударами. На площади показался всадникъ въ бѣломъ кителѣ. Это исправникъ Тукмачевъ. Вооруженные всадники носились, какъ тѣни. Еще моментъ,—и площадь загудѣла отъ топота лошадиныхъ копытъ и тысячи голосовъ собравшихся ратниковъ. Въ полумракѣ грозно выстроились ряды; исправникъ сдѣлавъ надлежащія распоряженія, окруженный отрядомъ всадниковъ числомъ до 60 человѣкъ, двинулся въ долину Терень. На полуверстѣ за исправникомъ, подымая пыль, показался отрядъ Андроникова. Далѣе быстро двигался всей массой отрядъ Бучинскаго. Въ 10 верстахъ отъ Кана сопровождавшими исправника были замѣчены два всадника на противоположной рѣки Чарыша сторонѣ. Всадники, вѣроятно, калмыки, посланные Четомъ на развѣдки, завидя отряды русскихъ, во весь опоръ понеслись обратно. Тотчасъ исправникомъ было дано приказаніе перерѣзать путь бѣглецамъ. Пять человѣкъ изъ конвойныхъ исправника бросились въ погоню за убѣгавшими калмыками. Калмыки, видя, что имъ не спастись отъ погони, свернули въ сторону и убѣжали въ горы. Отряды русскихъ приблизились къ мѣсту моленія калмыковъ. Съ противоположной стороны, съ горы къ калмыкамъ спускается множество всадниковъ. Это уймонцы, находившіеся

въ тылу ихъ, и калмыки внезапно окружены со всѣхъ сторонъ. Большая кошменная юрта Чета была охраняема калмыками, которые тѣснымъ кольцомъ охвативъ ее, изображали собою неприступную крѣпость. Исправникъ подѣхалъ къ юртѣ, приказалъ толпѣ выдать Чета. Калмыки ни слова. Они стояли какъ безгласныя статуи, изображая живую стѣну, охраняющую великаго Чета и святое мѣсто, гдѣ стояла юрта. Требованіе выдать Чета послѣдовало нѣсколько разъ. Калмыки стояли невозмутимыми; они смотрѣли на окружающихъ равнодушно, относились къ приказаніямъ исправника холодно. Они казались людьми, совершенно независимыми отъ начальства, неприкосновенными членами новаго ихъ самостоятельнаго общества, гдѣ господствуютъ свои права, законы и порядки. При такомъ отношеніи калмыковъ къ правительству и начальствующимъ лицамъ, чтобы добиться своихъ требованій, необходимо было прибѣгнуть къ силѣ. И вотъ послѣдовало приказаніе разрушить юрту Чета. Нѣсколько человѣкъ изъ русскихъ кинулись и начали разрушать ее. Невозмутимые калмыки заговорили и заволновались. Въ это время изъ разрушаемой юрты послышался выстрѣлъ, послужившій поводомъ къ невообразимой канонадѣ. Кто стрѣлялъ въ юртѣ—неизвѣстно. Страшная канонада продолжалась нѣсколько минутъ; въ воздухѣ визжали пули, засвистали дубинки, тяжело падая на спины калмыковъ. Свалка продолжалась недолго и не приняла грандіозныхъ размѣровъ, благодаря г. исправнику и полиціи, которые энергичными мѣрами остановили побоище (?). Въ происшедшей свалкѣ оказались: убитымъ одинъ калмыкъ, личность котораго невыяснена, легко и тяжело раненыхъ около 50 человѣкъ калмыковъ. Со стороны русскихъ одинъ тяжело (?) раненъ пулей въ лѣвую руку навывлетъ. Послѣ побоища удалось арестовать главаря движенія Чета съ семействомъ и его сторонниковъ около 30 человѣкъ. Арестъ главныхъ руководителей движенія повергъ калмыковъ въ уныніе. На вопросъ исправника: „признаютъ ли они русскаго государя, какъ своего законнаго царя“, калмыки подымая руки кверху, всей массой громко заявили, что они признаютъ русскаго царя, какъ своего верховнаго вожда. На вопросъ: „будутъ-ли они подчиняться законамъ имперіи, слушаться приказанія начальства“, калмыки дружно заявили, что будутъ подчиняться и исполнять. Они говорили: „Акъ каанабисъ, албаты іоны нисъ“, т. е. *„Большой Царь нашъ, мы же его народъ“*.

Арестованные были связаны и подъ усиленнымъ конвоемъ отправлены въ Усть-Кая. Оставшимся же калмыкамъ исправникъ далъ прекрасное правоученіе и совѣты, а затѣмъ приказалъ съ миромъ разойтись по своимъ юртамъ и заняться хозяйствомъ. За правоученіемъ г. исправника послѣдовали и мои совѣты. Я раскрылъ имъ всю истину ихъ заблужденій. Объяснилъ имъ, что Четь никто иной, какъ обманщикъ и разоритель калмыковъ. Проповѣдуя новую вѣру и новые порядки, онъ велъ ихъ къ гибели временной и вѣчной; къ временной потому, что устроивъ по своему производству новые порядки, онъ нарушалъ государственные законы и тѣмъ навлекалъ на калмыковъ наказаніе; къ вѣчной—потому, что никто не можетъ спа-

стись, если онъ не будетъ исповѣдывать Христа и не окрестится во имя Его. Самъ Спаситель міра Іисусъ Христосъ сказалъ: „аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе“ (Іоаннъ, 3,5). Четъ же проповѣдуетъ не Христа, а какого-то языческаго „Бурхана“, который и не существуетъ. Въ заключеніе бесѣды я объяснилъ калмыкамъ, что они теперь остались безъ вѣры и Бога: отъ старыхъ своихъ боговъ «Ульгенья» и «Эрляка» они отреклись, сожгли идолычиковъ, упразднили должность камовъ, новаго бога «Бурхана» не нашли, проповѣдникъ его Четъ арестованъ и будетъ сидѣть въ тюрьмѣ. Остался одинъ истинный Богъ, сотворившій небо и землю и все, что мы видимъ. Слѣдуетъ теперь калмыкамъ увѣровать въ истиннаго Бога Христа и принять святое крещеніе во оставленіе грѣховъ. На мои слова и убѣжденія калмыки во множествѣ заявили, что они теперь понимаютъ, въ чемъ дѣло, и общались по возможности креститься.

Не въ далекомъ будущемъ калмыки, вѣроятно, примутъ святое крещеніе и найдутъ тихое пристанище въ лонѣ православной церкви и будутъ благоденствовать подъ сѣнію самодержавія великаго государя русскаго императора. Миссіонеръ Усть-Канскаго отдѣленія священникъ Лука Кумандинъ*).

Я нарочно привелъ донесеніе миссіонера Луки Кумандина епископу бійскому Макарію, какъ источникъ, который не можетъ быть заподозрѣнъ въ сгущеніи красокъ о событіи 21 іюня 1904 года.

Мнѣ остается прибавить къ нему нѣсколько дополненій и разъясненій, рисующихъ дѣло въ нѣсколько иныхъ очертаніяхъ.

Избіенію мирно молившихся калмыковъ предшествовало „административное“ разслѣдованіе происходившихъ въ глубинѣ Алтая событій, о которыхъ оповѣстило „Россійское Агенство“, давшее толчекъ къ созданію легендъ, болѣе или менѣе грандіозныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе или менѣе нелѣпныхъ. Къ Чету Челпанову, поселившемуся на рѣкѣ Конартѣ, въ пустынной мѣстности западнаго Алтая, наѣзжали, по распоряженію губернатора, различныя „власти“—становые пристава, крестьянскіе начальники и проч.—и производили дознанія въ цѣляхъ выясненія политической стороны движенія среди инородцевъ. Я не имѣю подъ руками документальныхъ данныхъ, которыя точно указывали бы на пріемы, употреблявшіеся властями при дознаніяхъ, но мнѣ положительнѣйшимъ образомъ извѣстно, что эти власти пришли къ опредѣленному заключенію, а именно, что дви-

*) „Сынъ Отечества“ отъ 19 марта 1905 г., № 25.

женіе среди алтайцевъ, будучи исключительно *религіознымъ*, не имѣть никакого политическаго характера. Въ этомъ именно смыслъ было доведено и до свѣдѣнія бывшаго въ то время въ Бійскѣ томскаго губернатора г. Старынкевича. Вслѣдствіе именно этого г. Старынкевичъ не нашелъ возможнымъ для себя принимать какія-либо репрессивныя мѣры противъ алтайцевъ, передавъ „дѣло“ въ вѣдѣніе духовной власти, именно бійскаго епископа Макарія, въ распоряженіе котораго былъ командированъ исправникъ Тукмачевъ. Этими лицами, т.-е. епископомъ Макаріемъ и исправникомъ Тукмачевымъ, поѣхавшими въ селеніе Усть-Канъ — ближайшій миссіонерскій пунктъ къ мѣсту нахождения Чета Челпанова — и становымъ приставомъ Андрониковымъ былъ разработанъ планъ военныхъ дѣйствій противъ „злонамѣреннаго“, хотя въ политическомъ отношеніи, по полицейской экспертизѣ, и невиннаго, врага, планъ, по свидѣтельству о. Луки Кумандина, такъ блестяще приведенный въ исполненіе 21 іюня 1904 года. Къ моему огорченію, я не могу указать, что изъ этого стратегическаго плана принадлежитъ епископу Макарію, что гг. Тукмачеву и Андроникову, а также и того, кому изъ этихъ лицъ принадлежитъ и самая идея вооруженнаго похода противъ дерзкаго врага, осмѣливавшагося устраивать молитвенныя собранія гдѣ-то въ горной глуши.

Разработавъ общими силами планъ военнаго похода, тріумвиратъ изъ перечисленныхъ лицъ немедленно же приступилъ и къ приведенію его въ исполненіе: изъ Усть-Кана поскакали въ разныя стороны гонцы съ приказомъ по деревнямъ, „нарядить народъ“, изъ котораго можно было бы организовать боевую армію. Мѣстомъ сбора былъ назначенъ Усть-Канъ, куда призывались молодые и здоровые крестьяне, верхомъ на коняхъ, вооруженные, кто чѣмъ можетъ. Народъ съѣзжался верстъ за 50—100 и больше. Жителямъ же уймонской инородной управы, расположенной на р. Катуні, въ южной части инородческаго района, верстахъ въ полтора-ста отъ Усть-Кана, было приказано составить самостоятельный отрядъ, которымъ командовалъ урядникъ, и явиться на зарѣ 21 іюня къ мѣсту религіознаго собранія у Чета Челпанова съ южной стороны—и, если понадобится, отрѣзать врагу путь къ отступленію черезъ горы. Къ Усть-Кану толпы вооруженныхъ всадниковъ начали стекаться съ 18

июня, образуя вокруг селенія нѣчто вродѣ военнаго лагеря. Въ первый же день возникъ вопросъ о продовольствіи „арміи“, на содержаніе которой ни исправникомъ Тукмачевымъ, ни епископомъ Макаріемъ, ни алтайской духовной мессіей, въ интересахъ которой предпринимался и самый походъ на язычниковъ,—никакихъ суммъ отпущено не было. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ на практикѣ такъ, какъ онъ разрѣшался не разъ и многими другими арміями,—реквизиціей. Во все время формированія „арміи“ г. Тукмачева послѣдняя продовольствовалась за счетъ окружающаго инородческаго населенія, скотъ котораго — быки и бараны — захватывался силою и закалывался тутъ же, на степи. Въ теченіе нѣсколькихъ ночей костры не потухали, и доблестная тукмачевская армія шумно пировала за счетъ объятыхъ ужасомъ и въ смертельномъ страхѣ трепетавшихъ „нехристей“. Такъ же точно продовольствовался и южный, уймонскій отрядъ, имѣвшій до 300 всадниковъ. Этими „реквизиціями“ было положено начало тому разграбленію и насиліямъ, какимъ подвергался инородческій Алтай въ теченіе двухъ недѣль, когда сотни семей богатыхъ алтайцевъ были разорены въ конецъ.

Призванные ночнымъ набатнымъ звономъ, оскѣненные крестомъ и благословленные епископомъ, воины Тукмачевской арміи настигли врага на зарѣ 21 іюня. Врагъ въ это время, въ количествѣ 400 — 500 человѣкъ, молился восходящему солнцу, держа въ рукахъ, какъ эмблему вѣчнаго мира, вѣтви вереска. Мысль его неслась къ новому, недавно воспринятому имъ, благодаря проповѣди Чета Челпанова, божеству, ища у него разгадки всѣхъ томившихъ его душу мучительныхъ вопросовъ и сомнѣній. Ничто не говорило ему, что его „часъ“, несущій испытаніе и страданіе, такъ близокъ, что онъ уже „насталъ“.

Главные силы арміи г. Тукмачева, раздѣленные, какъ мы знаемъ, на три отряда, подошли къ языческому мольбищу и окружили его. Въ то же время отрядъ уймонцевъ спустился съ южныхъ горъ въ долину; увидѣвъ своихъ, уймонцы не выдержали и дали выстрѣлъ на воздухъ, чтобы оповѣстить, что они тутъ, на готовѣ; крестьяне послѣдовали ихъ примѣру и открыли пальбу. Услыхавъ неожиданную перестрѣлку, инородцы были выведены изъ молитвеннаго состоя-

нія и тутъ только увидѣли, что со всѣхъ сторонъ на нихъ неслись разсыпавшіеся небольшими отрядами всадники, которыми покрыта была вся долина. Охваченная ужасомъ, толпа только что молившихся инородцевъ упала на землю ницъ, въ ожиданіи смерти. Но вотъ набѣжали первые всадники, опрокинули изгородь мольбища и потребовали у лежащихъ на землѣ выдачи Чета Челпанова и его дочери. Отвѣтомъ имъ было гробовое молчаніе распростертой на землѣ толпы, не было слышно даже дыханья.

— А, такъ вы молчите, мерзавцы! воскликнулъ одинъ изъ доблестныхъ командировъ, бей ихъ, ребята!

Что тутъ произошло, я не берусь описывать. С. И. Акербломъ, вскорѣ посѣтившій мѣсто избіенія инородцевъ, такъ характеризовалъ передъ общимъ собраніемъ томскаго юридическаго общества эту побѣду тукмачевской арміи надъ дерзкимъ „врагомъ“: „началось избіеніе беззащитныхъ и невооруженныхъ инородцевъ: ружьями и дубинами разбивались черепа, разлетался мозгъ. Многіе были ранены и искалечены; затѣмъ начался грабежъ калмыковъ по ихъ аиламъ на 30 верстъ кругомъ. Крестьяне захватили около 1000 лошадей и массу разныхъ припасовъ. Разгромъ продолжался 2 недѣли“ *).

Разсказъ о. Луки Кумандина о продолжительной ружейной канонадѣ, которой инородцы встрѣтили армію г. Тукмачева, нужно отнести къ числу тѣхъ риторическихъ фигуръ, коими такъ изобильно уснастилъ свою „записку“ почтенный о. миссіонеръ, исполнявшій, повидимому, въ походѣ роль полковаго священника. Дѣло въ томъ, что у инородцевъ въ этотъ моментъ не только не было ружей, изъ которыхъ они могли бы стрѣлять, но даже и ножи, всегда имѣющіеся при каждомъ алтайцѣ, были на время моленья сняты съ поясовъ и сложены въ кучу, вдали отъ мѣста моленья. Да и кто сколько-нибудь знакомъ съ алтайцами, тотъ знаетъ, конечно, что это народъ, совершенно неспособный не только на вооруженное, но и вообще на какое бы то ни было активное сопротивленіе. И это лучше всего, по личному опыту, знаютъ алтайскіе о. миссіонеры, знаетъ, конечно, и Лука Кумандинъ...

Убитые были скрыты и потихоньку зарыты въ землю,

*) „Рус. Вѣдом.“, за 1905 г., № 4.

такъ что полицейская власть въ серьезъ увѣряетъ и себя, и другихъ, что ей неизвѣстно, были ли убиты, т. к. могилъ де разыскать не могли. Но кто дѣйствительно интересуется могилами убитыхъ, тѣмъ инородцы указываютъ ихъ, или по крайней мѣрѣ, одну изъ нихъ, весьма охотно... Да и вообще мѣсто погребенія убитыхъ алтайцевъ ни для кого не составляетъ тайны, кромѣ бійской полиціи, чины которой съ такимъ успѣхомъ выполнили стратегическій планъ еп. Макарія и исправника Тукмачева.

Избитые и арестованные инородцы были связанными доставлены въ Усть-Канъ, гдѣ ихъ заперли въ какой-то амбаръ до отправки въ острогъ. Я не буду говорить, что перенесли несчастные люди, пока они находились въ Усть-Канѣ, гдѣ ихъ подвергали „увѣщеваніямъ“, надъ ними глумились и оскорбляли ихъ. Все это и слишкомъ тяжело передавать, да и слишкомъ шаблонно,—программа всѣхъ российскихъ „усмирителей“ всегда не сложна и однообразна, и въ ней все опредѣляется лишь степенью жестокости и свирѣпости, допускаемой въ каждомъ данномъ случаѣ.

Въ числѣ арестованныхъ была и дочь Чета Челпанова—дѣвушка 13—14 лѣтъ. Ее захватили вмѣстѣ съ отцомъ и отправили въ острогъ. Здѣсь нужно упомянуть объ одной подробности ареста этой дѣвушки. Полиція долго не могла ее найти среди избитыхъ алтайцевъ, когда, наконецъ, одинъ крещеный алтаецъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ ордой, руководимой Тукмачевымъ, не указавъ на молодого алтайца, говоря, что это и есть дочь Чета. Юноша застѣнчиво отрицалъ это. Тогда, чтобы „убѣдиться въ истинѣ“, г. Тукмачевъ распорядился подозрѣваемую дѣвушку подвергнуть осмотру. И вотъ тутъ же, на глазахъ многочисленной толпы, предполагаемая дѣвушка была повергнута на землю, одежды ея сорваны, и она подвергнута позорному осмотру... Велико было торжество г. Тукмачева и его сподвижниковъ: осмотръ убѣдилъ ихъ, что передъ нимъ дѣйствительно не юноша, а дѣвушка — дочь Чета Челпанова! Что значили ея позоръ и страданья съ сравненіемъ этой неподдѣльной радостью начальства?..

Въ Бійскѣ арестованные инородцы были переданы въ руки судебной власти, которая и привлекла ихъ къ слѣдствію, а затѣмъ и къ суду, предъявивъ четверемъ изъ нихъ

обвиненія по ст. 131 новаго уголовного уложенія и 938, 1542 с.с. уложенія о наказаніи. Въ числѣ преданныхъ суду находится Четъ Челпановъ и трое наиболѣе ревностныхъ его послѣдователя. Въ г. Бійскѣ долженъ состояться судъ надъ этими лицами, а если онъ не будетъ производиться при закрытыхъ дверяхъ, то передъ русскимъ обществомъ пройдетъ рядъ фактовъ, не совсѣмъ обычныхъ даже въ наши дни ничѣмъ не сдерживаемаго произвола и крови.

Разграбленіе имущества алтайцевъ продолжалось около двухъ недѣль: крестьяне окрестныхъ деревень пріѣзжали въ инородческіе аилы, грабили имущество и деньги въ юртахъ, угоняли скотъ, а если встрѣчали хоть слабый протестъ то избивали самихъ алтайцевъ, и все награбленное отвозили и угоняли домой. Всѣ это знали, всѣ видѣли, и ничей голосъ не раздался въ защиту избиваемаго и ограбляемаго народа, и ничья рука не поднялась въ огражденіе чести и имущества побиваемыхъ... Когда началось судебное слѣдствіе, то скрыть грабежъ было уже невозможно, и нѣкоторые изъ крестьянъ были также арестованы и заключены въ бійскій острогъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, кажется, всѣ они были выпущены на свободу. Нѣкоторые инородцы сидѣли долго, а Четъ Челпано въ болѣе года: его освободили только послѣ 17 октября.

Такъ закончилось въ первой стадіи то религіозное движеніе среди алтайцевъ-язычниковъ, которое полтора года назадъ встревожило томскую администрацію и алтайскую духовную миссію. О. о. миссіонеры находятъ, что 21 іюня 1904 г. православная церковь одержала окончательную побѣду надъ язычествомъ на Алтаѣ *). Въ этомъ отношеніи не лишень интереса слѣдующій документъ,—препроводительная бумага миссіонера о. Луки Кумандина, при которой имъ была представлена приведенная выше „Записка“ еп. Макарію.

„Препроводяя при семъ записку о послѣднихъ событіяхъ на Алтаѣ, осмѣливаюсь доложить вашему пр-ву, что въ настоящее время здѣсь все спокойно, калмыки являются

*) Говорятъ, на крестѣ, водруженномъ на горѣ близъ селенія Усть-Канскаго, сдѣлана надпись такого содержанія: „21 іюня 1904 г. православная церковь окончательно побѣдила языческій Алтай“. Проверить эти утвержденія лично мнѣ не удалось.

*) „Сынъ Отечества“, № 25, отъ 13 марта 1905 г.

покорными, со вниманіемъ слушаютъ наши бесѣды. Пока приняли св. крещеніе только четыре человѣка, но многіе некрещенные колеблются между язычествомъ и православіемъ. Прилагаемъ свое усердіе къ приведенію ихъ въ лоно православной церкви. Вашего пр-ва и пр. священникъ Лука Кумандинъ.

Итакъ, цѣною избіеній, убійствъ, грабежа и разоренія многихъ и многихъ обращено четыре язычника на „путь истинный“, четыре язычника „приняли св. крещеніе“, и многіе „колеблются между язычествомъ и православіемъ“... Не слишкомъ ли это дорогая цѣна, даже съ точки зрѣнія алтайскихъ дѣятелей? Не думаютъ ли они, что 21 іюня 1904 г. „между язычествомъ и православіемъ“ была вырыта та пропасть, которая не одно поколѣніе въ будущемъ будетъ раздѣлять на Алтаѣ „язычниковъ и православныхъ“? Не думаютъ ли алтайскіе отцы-миссіонеры, что 21 іюня 1904 года православная церковь не какую-то „побѣду“ одержала надъ язычествомъ на Алтаѣ, а подверглась униженію и оскорбленію со стороны тѣхъ самыхъ, кто брался защищать ея интересы, которымъ ничто не угрожало и кто запятналъ себя кровавымъ преступленіемъ?

Нѣтъ, конечно, не думаютъ, и самый вопросъ этого рода для нихъ былъ бы непонятенъ и дикъ.

Какъ бы, однако, ни думали алтайскіе отцы-миссіонеры и ихъ руководители, позволительно все-таки спросить: за что же алтайцы подверглись нападенію, за что они были избиты, а нѣкоторые изъ нихъ и убиты, ограблены, брошены въ тюрьму и, наконецъ, преданы суду? Какое отношеніе имѣетъ какое бы то ни было религіозное движеніе среди язычниковъ къ православной церкви, если это движеніе не выходитъ изъ круга языческихъ представлений? И какъ могли служители этой церкви вмѣшиваться въ чуждую имъ область язычества и тамъ оказывать свое воздѣйствіе путемъ насилія.

Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ судъ не дастъ отвѣта, потому что имъ не привлеченъ къ отвѣтственности никто изъ представителей миссіи, такъ или иначе участвовавшихъ въ событіяхъ, связанныхъ съ 21 іюня, никто не привлеченъ къ отвѣтственности и изъ чиновъ полиціи, подъ руководствомъ которой эти насилія и убійства совершались. Этого

отвѣта надо искать въ положеніи миссіи на Алтаѣ, его надо искать въ безправномъ положеніи алтайскихъ инородцевъ, по отношенію которыхъ возможны всякіе эксперименты, всякія насилія. Въ этомъ алтайскіе инородцы раздѣляютъ общую судьбу всѣхъ вообще инородцевъ Сибири, этихъ паріевъ современной Россіи.

Но возвратимся къ алтайцамъ и ихъ религіи.

II.

Инородческое населеніе Алтая, по произведенной въ 1897 году статистико-экономической переписи, насчитываетъ 5537 хозяйственныхъ единицъ, въ число которыхъ входитъ 14592 м. и 14410 женщ., что вмѣстѣ составляетъ 29002 человекъ. Все населеніе Алтая, т. е. какъ инородческое, такъ и русское, составляло въ томъ же году 41983 человекъ. Такимъ образомъ, свыше 69% всего населенія края составляютъ алтайскіе кочевые инородцы, такъ называемые алтайскіе калмыки (въ дѣйствительности тюрки). Среди нихъ наиболѣе многочисленнымъ является племя алтайцевъ, живущее по р. Катуні и верховьямъ р. Чарыша, — ихъ насчитывается до 20 тыс. человекъ. Среди нихъ-то и появился Четъ Челпановъ со своей проповѣдью новой религіи. Кромѣ такъ называемыхъ калмыковъ, на Алтаѣ проживаютъ русскіе — старожилы и переселенцы — и киргизы. Алтайцы живутъ частью въ селеніяхъ, — это принявшіе крещеніе, — совместно съ русскими и киргизами, частью въ анлахъ*), одиноко разбросанныхъ по горнымъ долинамъ всего края, по различнымъ урочищамъ. Инородцевъ послѣдней категоріи, т. е. живущихъ по урочищамъ, вдали отъ русскихъ, — около 64%. Изъ этого видно, что непосредственное вліяніе инородцевъ на русское населеніе въ области религіи не можетъ быть велико. Это будетъ еще очевиднѣе, если сказать, что свыше 65% всѣхъ алтайскихъ инородцевъ — язычники и только нѣсколько болѣе 34% ихъ принадлежитъ къ православію. Въ той части края, гдѣ живутъ собственно алтайцы и гдѣ возникло новое религіозное движеніе, крещеные инородцы живутъ въ селеніяхъ, на урочищахъ ихъ нѣтъ со-

*) Анлъ — отдѣльное хозяйство.

всѣмъ, такъ какъ на переходъ въ православіе инородческая масса смотритъ весьма недружелюбно и въ каждомъ „новообращенномъ“ соплеменникѣ видитъ ренегата,—то обыкновенно переходящіе въ православіе уходятъ на жительство въ православное селеніе, чего требуютъ отъ нихъ и миссіонеры, желая изолировать ихъ отъ „тлетворнаго вліянія“ родичей-язычниковъ. Принимая во вниманіе даже только одно распредѣленіе населенія по территоріи края, можно сказать, что вліяніе инородцевъ-язычниковъ на инородцевъ-православныхъ не можетъ быть значительнымъ уже въ силу отсутствія близкаго сосѣдства между тѣми и другими, не говоря о другихъ сторонахъ жизни: разницы бытовыхъ условій—одни ведутъ осѣдлый, другіе кочевой образъ жизни,—антагонизма между той и другой группой населенія и т. д. Это необходимо имѣть въ виду для уясненія всей безцѣльности вмѣшательства алтайскаго духовенства и полиціи въ чужія религіозныя дѣла, не имѣвшія никакого отношенія къ православной церкви, ея служителямъ и православному населенію, хотя бы и инородческому.

Алтайцы ведутъ отчасти скотоводческій, отчасти звѣроловческій образъ жизни; около половины всѣхъ алтайцевъ занимаются земледѣльческимъ промысломъ (отъ 45 до 53⁰/о), при чемъ размѣры его болѣе, чѣмъ скромны: средняя посѣвная площадь на хозяйство алтайца колеблется между 0,4 и 0,9 десятины, смотря по тому, будемъ ли мы брать живущихъ въ селеніяхъ и уже перешедшихъ къ осѣдности, или же живущихъ по урочищамъ и еще не отрѣшившихся отъ кочеваній. Почти ³/₁₀ всѣхъ алтайцевъ жилищемъ имѣютъ юрту, представляющую собою конусообразный шалашъ, сдѣланный изъ жердей, прикрытыхъ лиственничной корой. Чтобы судить о грамотности, а, слѣдовательно, до известной степени и объ общемъ уровнѣ развитія алтайцевъ, достаточно ознакомиться съ двумя—тремя цифрами. По переписи 1897 г., грамотныхъ мужчинъ среди алтайцевъ было 270, что составляетъ 1,8⁰/о, и женщинъ—113, или 0,8⁰/о; общая грамотность населенія выражается 1,3⁰/о. Какъ ни ничтожны эти цифры само по себѣ, но и онѣ для живущаго по урочищамъ населенія являются все-таки преувеличенными, а именно среди этой части алтайцевъ грамотные составляютъ 0,2⁰/о всего населенія: 0,3—мужчины и 0,1—женщины. Все это ука-

зываетъ, что передъ нами находится народъ, стоящій на весьма низкой степени культурнаго развитія. Попробуемъ характеризовать основныя черты его религіознаго міросозерцанія.

Религіозныя возрѣнія алтайцевъ отличаются крайней примитивностью. Алтайцы знаютъ многихъ боговъ, олицетворяющихъ собою какъ доброе, такъ и злое начало. Есть боги общіе для всего племени, и есть такіе, которые чтутся только отдѣльными родами, себками, т. е. родовые боги. Есть боги современные и есть древніе, удалившіеся на покой, которымъ теперь уже никто не молится. Таковъ именно богъ Койдру-ханъ, который считается въ то же время древнѣйшимъ предкомъ алтайскаго народа, но онъ былъ вытѣсненъ изъ пантеона богами новѣйшей формаціи. Среди боговъ, олицетворяющихъ собою доброе начало, главнѣйшее мѣсто занимаетъ богъ Ульгень, по преданію, сынъ Улюпа и внукъ Чингизъ-хана, управлявшій нѣкогда всѣмъ алтайскимъ народомъ. О немъ сохранилось преданіе, какъ о добромъ, умномъ и справедливомъ правителѣ, дѣлавшемъ много добра своему народу и никогда никого лично не наказывавшемъ. Кромѣ того, о немъ рассказываютъ, что онъ ѣздилъ на бѣломъ конѣ. Ему приносятъ въ жертву лошадь бѣлой масти. Кромѣ Ульгения, у алтайцевъ много второстепенныхъ и третьестепенныхъ боговъ, но я ихъ перечислять здѣсь не буду *). Въ основѣ религіознаго міросозерцанія алтайцевъ лежитъ почитаніе и обоготвореніе памяти предковъ. Съ именемъ каждаго изъ алтайскихъ боговъ связано какое-нибудь преданіе, опредѣленно указывающее на земное происхожденіе бога: нѣкогда жившій на землѣ носитель этого имени умеръ, но душа его, какъ безсмертная, осталась, и для алтайцевъ является вполне конкретной личностью, имѣющей опредѣленное мѣстопробыванія. Съ теченіемъ времени, при постоянныхъ перекочевкахъ, мѣсто смерти данной личности забывается, и въ памяти народной остается только то, что такой-то духъ живетъ гдѣ-то, причемъ его мѣстопробываніе отдаляется отъ земли и приурочивается къ небу или къ подземному міру, сообразно тому, кѣмъ былъ покойникъ при

*) Подробнѣе мною изложены религіозныя возрѣнія алтайцевъ въ моей книгѣ „Горный Алтай и его населеніе“, Барнаулъ, 1904 г., т. I, вып. 1, стр. 72—89.

жизни. Въмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣняется и самое понятіе о духѣ: его индивидуальность ступшевывается, онъ перестаетъ быть двойникомъ опредѣленной личности, становится болѣе отвлеченнымъ; ему начинаютъ приписывать различныя явленія природы, естественное объясненіе которыхъ недоступно первобытному уму,—и въ концѣ концовъ прежній двойникъ даннаго человѣка становится невидимымъ, безтѣлеснымъ духомъ, одареннымъ сверхъестественными силами. Такъ изъ вѣрованія въ двойника умершаго, какимъ является его безсмертный духъ, постепенно развивается представленіе о божествѣ. Такому обоготворенію, конечно, подвергаются только тѣ, кто при жизни выдѣлился чѣмъ либо изъ толпы, т. к. обыкновенные смертные скоро забываются даже ближайшими родственниками, чему способствуетъ и кочевой образъ жизни. Такими выдающимися личностями чаще всего бываютъ родоначальники или вожди даннаго народа, или его завоеватели. По отношенію Алтая можно замѣтить еще, что одинъ изъ его наиболѣе вдумчивыхъ изслѣдователей, Г. Н. Потанинъ, говоритъ между прочимъ, что „камы (такъ называются на Алтай шаманы) призываютъ и своихъ умершихъ отцовъ, какъ духовъ*).

Самое представленіе о духахъ отличается крайней примитивностью: на ряду съ божествами, принявшими болѣе или менѣе отвлеченный характеръ, алтаецъ и теперь признаетъ безчисленное множество духовъ-двойниковъ опредѣленныхъ личностей, населяющихъ всю окружающую мѣстность и производящихъ различныя, непонятныя для него, явленія. Горныя грозы, снѣговые обвалы, исчезновеніе звѣрей изъ мѣстъ, гдѣ ихъ было много, градъ и проч., или внезапное появленіе животныхъ, необыкновенно удачная охота и т. п.,— все это не находитъ въ умѣ алтайца естественнаго объясненія, т. к. ему неизвѣстна причинная связь этихъ явленій съ другими, и онъ можетъ объяснить ихъ только тѣмъ, что это дѣлается кѣмъ-то намѣренно въ пользу или во вредъ ему, алтайцу. Кто же можетъ быть этотъ „кто-то“, вредящій или помогающій ему? Очевидно, тотъ, кто жилъ и умеръ въ данной мѣстности, а теперь, послѣ смерти, сдѣлався невидимымъ и получилъ возможность выказывать свою дружбу или

*) Г. Н. Потанинъ «Очерки Сѣверозападной Монголіи» т. IV, стр. 63.

вражду къ нему такими средствами, которыя не доступны живому человѣку. Постепенно воспоминаніе объ умершемъ въ данной мѣстности человѣкѣ становится все болѣе и болѣе смутнымъ, его личность ступшевывается, теряетъ опредѣленный образъ: остается только представленіе о духѣ, живущемъ тамъ-то,—и въ результатъ получается обоготвореніе горы, рѣки и проч., которымъ приносятся благодарственные и умиловительныя жертвы.

Вообще происхожденіе алтайскихъ боговъ изъ признанія двойственности личности, состоящей изъ тѣлесной и брѣнной оболочки и безсмертнаго духа, освобождающагося отъ нея послѣ смерти человѣка,—благодаря обилію имѣющихся у алтайцевъ преданій, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И съ этой точки зрѣнія, изученіе ихъ религіозныхъ воззрѣній представляетъ крупный научный интересъ. Кромѣ Ульгена и другихъ добрыхъ, свѣтлыхъ боговъ, мѣсто-пробываніе которыхъ вверху, на небѣ, алтайцы имѣютъ еще и не менѣе многочисленный штатъ боговъ, воплощающихъ собою идею злого начала. Главный изъ нихъ—Эрликъ, живущій, какъ и всѣ боги этой категоріи, „въ темномъ мѣстѣ“, „подъ землею“. Все зло, какое претерпѣваютъ люди на землѣ, идетъ отъ Эрлика и его подручныхъ, менѣе значительныхъ боговъ. Ульгенъ, олицетворяющій доброе начало, такъ безгранично добръ, что онъ не можетъ наказать даже дѣйствительно провинившихся ему, почему и поручаетъ это выполнить Эрлику. Отсюда двойственность алтайца въ отношеніяхъ къ своимъ богамъ, главнымъ и не главнымъ, къ Ульгеню и Эрлику: одинъ внушаетъ къ себѣ безкорыстную любовь и почитаніе, какъ выраженіе всего того свѣтлаго, добраго и хорошаго, что доступно пониманію человѣка, другой—внушаетъ трепетъ ужаса, вѣчную боязнь вызвать къ себѣ его гнѣвъ, сопровождающійся ниспосланиемъ на провинившагося всякихъ бѣдъ и золъ. Отсюда стремленіе алтайца умиловить, задобрить, расположить въ свою пользу Эрлика, этого бога гнѣва и зла. Умиловленіе достигается жертвоприношеніями, и они становятся тѣмъ чаще и тѣмъ обильнѣе, тѣмъ богаче, чѣмъ болѣе невзгодъ сыплется на голову алтайца.

По мнѣнію алтайцевъ, небесъ много, а ближайшее изъ нихъ—видимое небо, за которымъ слѣдуетъ рядъ другихъ—

невидимыхъ,—имѣеть видъ опрокинутой чашки и опирается краями на землю; оно матерьяльно и постоянно колеблется. Загробную жизнь алтайцы представляютъ себѣ точнымъ подобіемъ земной: души умершихъ, отдѣлившихся отъ тѣла, ѣдятъ, пьютъ, охотятся, пасутъ скотъ, женятся и т. п., однимъ словомъ, дѣлаютъ все то, что дѣлаетъ и всякій живой алтаецъ. Покойниковъ алтайцы зарываютъ въ каменные разсыпи и вообще хоронятъ на горахъ или же, зашивъ въ кошму, подвѣшиваютъ ремнями на деревьяхъ, гдѣ бы хищный звѣрь не могъ добыть трупа. Мѣсто погребенія они стараются сохранить въ тайнѣ.

Внѣшняя, обрядовая сторона религіи у айтайцевъ также стоитъ на очень низкой ступени развитія.

У алтайцевъ, повидимому, нѣтъ иныхъ моленій, кромѣ совершаемыхъ камомъ (шаманомъ) такъ называемыхъ камланій. Даже свадебные и погребальные обряды носятъ часто бытовой характеръ, лишенный религіознаго элемента, если не считать погребальной трапезы, въ которой, по ихъ мнѣнію, участвуетъ духъ покойнаго, и изъ котораго развился обычай жертвоприношенія богамъ. Нѣтъ у алтайцевъ и храмовъ, и опредѣленныхъ мѣстъ для поклоненія богамъ. Ихъ могилы не представляютъ даже кургановъ, которыхъ такъ много оставили на Алтаѣ другіе, ранѣе тутъ жившіе, народы, и изъ которыхъ постепенно развивается идея храма. Нѣтъ также и особаго жреческаго сословія. Жрецомъ, шаманомъ, камомъ можетъ сдѣлаться всякій, если онъ обладаетъ извѣстными качествами,—повышенной нервной дѣятельностью, способностью къ крайнимъ проявленіямъ экзальтаціи и прочимъ что требуется отъ кама. Принимая различныя нервныя припадки за проявленіи дѣятельности двойника человѣка, живущаго въ немъ, и видя, что эти проявленія отличаются отъ обыкновенной дѣятельности человѣка, алтаецъ естественно пришелъ къ заключенію, что двойникъ входитъ въ сношеніе съ кѣмъ-то другимъ, кто заставляетъ его производить необычайныя дѣйствія, и этотъ другой, конечно, можетъ быть только духомъ, имѣющимъ болѣе силы, чѣмъ обыкновенный двойникъ, котораго онъ подчиняетъ себѣ. Отсюда является вѣра алтайца въ сверхъестественное значеніе нервныхъ припадковъ. Поэтому, когда у человѣка, ранѣе бывшаго здоровымъ, безъ видимой причины появляются припадки,—онъ

теряетъ сознание, бьется въ судорогахъ и пр.,—алтайцы объясняютъ это тѣмъ, что онъ вошелъ въ сношеніе съ богами, и для испытанія призываютъ къ нему стараго кама, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—трехъ. Камъ производитъ испытаніе: онъ заставляетъ новичка излѣчить кого-нибудь или предсказать будущее и т. п. и въ случаѣ успѣха признаетъ его камомъ, обучаетъ камланію, послѣ чего новичекъ начинаетъ ужъ самостоятельную дѣятельность служенія богамъ и своимъ соплеменникамъ. Ранѣе каждый родъ, повидимому, имѣлъ своихъ камовъ; теперь этого уже нѣтъ: къ помощи одного и того же кама обращаются алтайцы различныхъ родовъ.

Моленія, камланія, совершаютъ, какъ Ульгеню — богу свѣта и добра, такъ и Эрлику — богу гнѣва и зла. Тому и другому приносятся въ жертву, между прочимъ, животныя — лошади, съ тою разницей, однако, что Ульгеню можно жертвовать только лошадями бѣлыхъ и вообще свѣтлой масти, тогда какъ Эрлику, обратно, камлаютъ только лошадью темной масти. Перваго просятъ о ниспосланіи здоровья, урожая, приплода скоту, хорошаго промысла и т. п., моленіе второму совершается въ случаяхъ несчастья — болѣзни кого нибудь изъ членовъ семьи, падежа скота и проч. Моленіе Ульгеню совершается всегда подъ открытымъ небомъ, причемъ въ самомъ моленіи принимаютъ болѣе или менѣе активное участіе, кромѣ кама, и другіе присутствующіе. Эрлику же молится только одинъ камъ, а самое моленіе можетъ совершаться и въ юртѣ, въ пригонѣ для скота и проч., во всякомъ мѣстѣ, съ которымъ связано то или другое несчастье, вызвавшее призывъ кама къ моленію.

Эрлику можетъ камлатъ и женщина-камъ, которая, вообще, не допускается къ моленію Ульгеню, — женщины не могутъ даже присутствовать при камланіи Ульгеню. При моленіяхъ алтайцевъ большую роль играетъ береза: къ ней привязываютъ жертвенное животное; между березами протягиваютъ священную веревочку съ пожертвованными по разнымъ случаямъ шкурками звѣрей, лентами и полосками различныхъ матерій; березами же украшаютъ юрту, гдѣ происходитъ камланіе, и вокругъ нея втыкаютъ въ землю столько березокъ, сколько членовъ семьи живетъ въ юртѣ и т. д. Если въ данной мѣстности нѣтъ березы, то для камланья ее привозятъ издалека.

Изъ этого бѣглаго очерка, составленнаго мною, главнымъ образомъ, на основаніи личныхъ наблюденій, можно видѣть основныя черты религіознаго міросозерцанія алтайцевъ. Непосредственное знакомство съ алтайцами и ихъ религіей, приводитъ меня къ тому заключенію, что подъ различными вліяніями,—главнымъ образомъ, сосѣдства съ племенами, исповѣдующими инныя религіи,—первобытная религія алтайцевъ претерпѣваетъ уже сильныя измѣненія, которыя должны привести къ окончательному исчезновенію этой религіи въ ея современномъ видѣ *).

Являясь у большинства неоформленнымъ и несистематизированнымъ, міросозерцаніе алтайца, какъ человѣка, сохранившаго еще много первобытнаго, легко видоизмѣняется, наталкиваясь на какіе-нибудь новыя факты, не подходящія подъ то объясненіе, которое давалось наблюдавшимся ранѣе явленіямъ, или на новыя объясненія старыхъ фактовъ, воспринятыхъ отъ болѣе культурнаго народа, какимъ являются русскіе, съ которыми алтайцамъ приходится все чаще и чаще приходить въ соприкосновеніе. Я не говорю уже о томъ, что масса на Алтаѣ, какъ и повсюду, рѣдко вдумывается въ значеніе того или другого вѣрованія, того или иного обряда и ограничивается механическимъ, рутиннымъ признаніемъ ихъ.

Въ силу этой неустойчивости первобытныхъ воззрѣній, среди алтайскихъ инородцевъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ можно было одновременно наблюдать и поклоненіе предкамъ въ его первоначальной формѣ, и поклоненіе болѣе отвлеченнымъ духамъ, навѣянное, повидимому, со стороны, и, наконецъ, кое-какія идеи, заимствованныя, несомнѣнно, отъ христіанства. Такое смѣшеніе вѣрованій наблюдается не только у алтайцевъ - язычниковъ, но и у алтайцевъ - христіанъ, вѣрнѣе сказать, у крещенныхъ алтайцевъ, т. к. ихъ „христіанство“ болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства, что и по-

*) Эта мысль мною была высказана еще нѣсколько лѣтъ назадъ въ моей книгѣ: „Горный Алтай и его населеніе“, въ которой сгруппированы мои личныя наблюденія надъ алтайцами. Поѣздка лѣтомъ 1905 г. къ алтайцамъ меня еще болѣе убѣдила въ правильности этого заключенія: религіозное движеніе, начатое въ 1904 г. Четомъ Челпановымъ, многое уже намѣнило до неузнаваемости на Алтаѣ, что бросается въ глаза даже съ чисто внѣшней стороны.

нятно, если брать во вниманіе уровень развитія какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ учителей—оо. миссіонеровъ.

Сознавая шаткость и примитивность религіозныхъ возрѣній своего народа, наиболѣе выдающіеся изъ алтайцевъ, такъ сказать, ихъ интеллигенція,—если этотъ терминъ можно прилагать къ выдающимся представителямъ полудикаго народа,—давно уже начинаетъ колебаться въ своихъ вѣрованіяхъ и обнаруживать стремленіе къ переходу въ ламаизмъ, съ которымъ ихъ знакомятъ монголы, къ магометанству, извѣстному имъ отъ сосѣдей киргизовъ и черезъ татарь-торгащей, наѣзжающихъ на Алтай, т. наз. „ташкиновъ“, и къ православію, о распространеніи котораго заботятся оо. миссіонеры, прибѣгающіе, однако, для этого къ такимъ мѣрамъ, которыя всего менѣе могутъ внушать симпатію алтайцамъ, что видно хотя бы изъ того же дѣла Чета Челпанова.

Какъ велико число алтайцевъ-магометанъ и ламаитовъ, я сказать не могу, за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ цифровыхъ данныхъ; но что среди алтайцевъ есть и тѣ, и другіе,—это мнѣ положительно извѣстно, т. к. лично знаю представителей какъ того, такъ и другого религіознаго направленія. Православныхъ насчитывается, какъ я уже упоминалъ, около 35% всѣхъ алтайскихъ инородцевъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это православные только по имени и по отчетамъ миссіи, въ дѣйствительности же это тѣ же язычники по своему мірозерцанію, не имѣющіе и отдаленнаго представленія о сущности ученія Христа, но усвоившіе чисто внѣшнимъ образомъ, часто принудительно, обрядовую сторону православія. Православная миссія дѣйствуетъ на Алтай съ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, но результаты ея дѣятельности въ общемъ весьма жалки, если, конечно, судить о нихъ не съ казовой стороны и не по отчетамъ оо. миссіонеровъ. Что это дѣйствительно такъ, достаточно вспомнить приведенныя выше цифры грамотности алтайцевъ, полученныя на основаніи произведенной мною въ 1897 году переписи: 270 мужч. и 113 женщ., умѣющихъ кое-какъ писать и читать... 383 грамотныхъ на цѣлый народъ!.. Источниками грамотности для алтайцевъ являются миссіонерскія школы, число которыхъ въ 1897 г. достигало 28. Учителями въ этихъ школахъ являются со-

вершенно невѣжественныя лица, чаще всего инородцы же, получившіе „образованіе“ въ такъ называемомъ катехизаторскомъ училищѣ при архіерейскомъ домѣ въ г. Бійскѣ.

Сами эти учителя часто не могутъ быть причислены къ дѣйствительно грамотнымъ людямъ; можно поэтому судить, какое „просвѣщеніе“ они разливаютъ вокругъ себя въ инородческой средѣ. Между тѣмъ и эти „учителя“, и ихъ „школы“ все-таки являются единственнымъ источникомъ, гдѣ инородцы Алтая могутъ найти грамоту, необходимость которой все болѣе и болѣе ими сознается.

На Алтаѣ, какъ и вообще въ Сибири, нѣтъ органа, который заботился бы въ какомъ-нибудь отношеніи объ инородцахъ, въ частности объ ихъ просвѣщеніи, почему они являются въ этомъ отношеніи совершенно оброшенными, и, пока что, въ ихъ среду не проникаетъ ни одинъ животворный лучъ дѣйствительнаго знанія.

III.

Въ предыдущей главѣ я старался хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ охарактеризовать тотъ народъ, среди котораго такъ внезапно появился полтора года назадъ „богъ Айротъ“ съ тремя „апостолами“, и это вызвало такую сильную тревогу среди русскаго населенія, что въ одинъ прекрасный день все крестьянство бѣжало изъ деревень и попряталось въ горахъ и тѣсахъ, дачники съ Алтая начали спѣшно выѣзжать, еще болѣе усиливая и распространяя охватившую русское населеніе панику. Это случилось, правда, послѣ того, какъ одинъ полицейскій урядникъ, увидѣвъ вдали облако пыли, поднятой перегонявшимся стадомъ быковъ, рѣшилъ, что это идутъ японцы, при появленіи которыхъ должны подняться алтайцы во имя явившагося имъ бога Айрота и вырѣзать всѣхъ русскихъ...

Это удивительное открытіе урядника съ быстротою молніи облетѣло весь край, внушая всюду ужасъ и распространяя панику среди русскихъ. Въ тотъ же день вѣсть дошла до начальства въ г. Бійскѣ, и вотъ тогда-то во всю „пошла писать губернія“: поскакали нарочные, полетѣли телеграммы, все заволновалось, закопошилось... Мы уже знаемъ, что все это закончилось разгромомъ мирно молив-

шихся алтайцевъ, убійствами, грабежами, и, наконецъ, какъ всегда у насъ, тюрьмой и судбищемъ, которое должно состояться надъ Четомъ Челпановымъ и его товарищами. И все это надѣлали японцы, усмотрѣнные разстроеннымъ воображеніемъ полицейскаго урядника, этой ближайшей къ народу „властью“, да „богомъ Айротомъ“, который смутилъ спокойствіе духа алтайцевъ, пославъ къ нимъ своимъ провозвѣстникомъ бѣднаго пастуха Чета Челпанова...

Что же это, однако, за „богъ Айротъ“ и въ какихъ отношеніяхъ онъ стоитъ къ другимъ богамъ алтайцевъ, которые до сихъ поръ еще ни однимъ алтайскимъ урядникомъ не были заподозрѣны въ сепаратизмъ?

Намъ придется вновь обратиться на минуту къ алтайскому Олимпу и посмотрѣть, есть ли въ числѣ его обитателей богъ Айротъ и въ какихъ отношеніяхъ онъ стоитъ къ другимъ богамъ.

Просматривая спеціальную литературу, я нигдѣ ни нахожу указанія на бога „Айрота“ у алтайцевъ: алтайцы, какъ я уже упоминалъ, знаютъ много боговъ, добрыхъ и злыхъ, но Айрота среди нихъ нѣтъ. Нужно сказать, что не только бога, но и вообще никакого Айрота на Алтаѣ не знаютъ. По видимому, въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ Ойратѣ или Ойрадѣ,—имени, которое нерѣдко можно услышать въ рѣчи алтайцевъ. Но что же это за Ойратъ?

Беру словарь Брокгауза и читаю: „Ойраты то же, что калмыки“... Другими словами, ойраты это тѣ алтайцы, среди которыхъ появился богъ Ойратъ. Г. Н. Потанинъ говоритъ въ своихъ „Очеркахъ С.-Зап. Монголіи“, что это имя принадлежитъ народу, живущему въ настоящее время въ нѣкоторыхъ пунктахъ Монголіи—дюрбютамъ. Н. М. Ядринцевъ въ статьѣ „Объ алтайцахъ и черневыхъ татарахъ“, говоря о подраздѣленіяхъ алтайскихъ инородцевъ на шесть племенныхъ группъ, пятой группѣ даетъ имя „алтайцы-ойраты, или алтайцы-калмыки“ *). Я думаю, что отсюда именно это опредѣленіе попало и къ Брокгаузу. В. И. Вербицкій въ своей книгѣ „Алтайскіе инородцы“ даетъ такое объясненіе этому слову: „въ 1367 году джунгарскіе монголы образовали силь-

*) Цитирую по книгѣ Г. Н. Потанина.

ный союзъ изъ трехъ поколѣній и появились на политическомъ поприщѣ подъ именемъ ойратовъ“, „потомки ойратовъ, поселившихся на Алтаѣ, называются въ настоящее время: 1) алтайскіе калмыки“... *) Г. Н. Потанинъ упоминаетъ, что въ Монголіи ему приходилось слышать, что имя Ойрата носить одинъ изъ родовъ алтайскихъ калмыковъ. При переписи 1897 года мнѣ пришлось установить фактъ, что такой родъ у алтайцевъ дѣйствительно есть, но онъ весьма малочисленъ: къ нему принадлежитъ менѣе 1% всего населенія, живетъ онъ въ юго-восточной части Алтая, на границѣ съ Монголіей.

Эти указанія позволяютъ заключать, что современные алтайцы нѣкогда находились въ непосредственныхъ родственныхъ отношеніяхъ къ народу, носившему имя Ойрата; весьма возможно, что отъ этого именно народа они происходятъ, на что, между прочимъ, указываетъ тотъ фактъ, что между алтайцами есть и теперь родъ, носящій это имя **). Если мы припомнимъ, что говорилось выше о характерѣ религиозныхъ воззрѣній алтайцевъ и связи этихъ воззрѣній съ идеей почитанія предковъ, опирающейся на признаніе двойственности человѣческой личности, — то возрожденіе бога Ойрата въ памяти алтайцевъ будетъ вполне понятнымъ. Мы уже видѣли, что современные многочисленные боги вытѣсняють боговъ болѣе ранней эпохи, которые еще сохранились въ народной памяти, но уже не требуютъ себѣ ни жертвъ, ни моленій и находятся, т. ск., на покоѣ, въ отставкѣ. Возможно допустить, что были и еще болѣе древніе боги, въ свою очередь вытѣсненные тѣми, что теперь сами уже отошли на второй планъ, оттѣсняемые богами новѣйшей формации. Память народная едва сохранила ихъ имена, которыя въ извѣстные моменты народнаго возбужденія могутъ вновь вспыхнуть въ ней съ новой силой.

*) Это и есть алтайцы.

**) Въ китайскихъ лѣтописяхъ упоминаніе о племени Ойратъ встрѣчается въ первый разъ, кажется, подъ 1204 г. Чингисъ-Ханъ во время похода къ Иртышу противъ Гучмука и Тукты встрѣтилъ на своемъ пути племя Ойратъ, предводимое Гутукой. Не осмѣлившись вступить въ борьбу съ Чингисъ-Ханомъ, племя Ойратъ изъявило ему покорность, усилило ряды его арміи и показывало дорогу въ хорошо знакомой мѣстности. См., напр., „Histoire des Mongols“ par d'Onsson, т. I, p. 104—105. *Ред.*

А разъ это такъ, то становится понятнымъ, что если только алтайцы происходятъ отъ народа Ойрата, то Ойратъ долженъ былъ находиться въ числѣ народныхъ боговъ, и если мы его теперь не встрѣчаемъ въ числѣ современныхъ обитателей алтайскаго Олимпа, то лишь потому, что боги болѣе молодые заслонили его собою въ народной памяти.

Обратимся къ преданіямъ алтайцевъ и поищемъ въ нихъ подтвержденія высказанному соображенію.

Ядринцевъ сообщаетъ, что „преданія объ Ойратѣ существуютъ у телеутовъ, у алтайцевъ“ и другихъ племенъ, населяющихъ Алтай. „Ойратъ связанъ съ ихъ родами и является то родоначальникомъ, то мнѣческимъ лицомъ, котораго ждуть телеуты, какъ Мессію алтайскихъ народовъ“. Ойратамъ приписываютъ всѣ тѣ могильники, которыми такъ богатъ Алтай. Затѣмъ слѣдуютъ преданія объ Ойратѣ-ханѣ, о царѣ Ойратѣ. Г. Потанинъ говоритъ по этому поводу: „Ойратъ-ханъ у алтайцевъ—лицо, повидимому, полумнѣческое“, если не совсѣмъ „мнѣческое“. Народное преданіе указываетъ могилу Ойрата-хана на р. Улагенѣ (Ядринцевъ). По преданіямъ телеутовъ, живущихъ подъ Улалой, т. е. въ непосредственной близости съ алтайцами, рассказывается о походѣ ойратовъ въ Чернь и на Алтай, куда они проходили одновременно съ киргизами. Ойраты, по этому преданію, когда-то завоевали алтайцевъ; они преслѣдовали шамановъ и особенно одного, котораго сожгли, но онъ возродился изъ пепла. Одно телеутское преданіе говоритъ, что Ойратъ-ханъ, послѣ ряда походовъ, ушелъ въ горы. Уходя, онъ сказалъ своимъ людямъ: „пройдетъ двѣнадцать поколѣній, и я снова къ вамъ приду, тогда я своихъ телеутовъ узнаю по глазамъ“. (Потанинъ). О борьбѣ въ прошлое время съ шаманами мнѣ пришлось записать преданіе у алтайцевъ, хотя при этомъ имя Ойрата и не приводилось. Одинъ изъ монгольскихъ князей силою вводилъ ламаизмъ на Алтаѣ. Желая покончить съ туземной религіей, онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ камовъ, будто бы на праздникъ, заперъ ихъ въ сѣульту (юрту) и сжегъ. Только три кама догадались о хитрости князя, не явились на его приглашеніе и такимъ образомъ спаслись; отъ нихъ шаманство вновь распространилось по Алтаю.

Этого рода преданій на Алтаѣ много, особенно у теле-

утовъ, и всѣ они указываютъ на два явленія: во-первыхъ, на существованіе нѣкогда извѣстной связи между народами Алтая и ойратами, Ойратомъ-ханомъ, а во-вторыхъ, на какую-то борьбу, которая велась когда-то противъ шаманизма, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ эту борьбу связываютъ съ именемъ Ойратъ-хана. Все это находится въ логической связи съ тѣмъ, что говорилось выше о богѣ Ойратѣ.

Послѣ всего, что мы знаемъ о характерѣ религіозныхъ воззрѣній алтайцевъ и ихъ преданій, для насъ уже не должно быть совершенно непонятнымъ то, что произошло на Алтаѣ лѣтомъ 1904 г., когда до того никому невѣдомый бѣдный пастухъ Четъ Челпановъ поднялъ знамя бунта противъ многочисленныхъ боговъ своего народа и ихъ служителей шамановъ и тѣмъ самымъ вызвалъ такое потрясеніе въ умахъ своихъ соплеменниковъ, такой переворотъ въ ихъ религіозныхъ представленіяхъ, что для нихъ уже прежнія отношенія къ своимъ богамъ стали невозможны, къ прощелому уже не было возврата.

Г. Клеменць, посѣтившій Алтай непосредственно послѣ разгрома молившихся алтайцевъ 21 іюня и послѣдовавшихъ затѣмъ грабежей, такъ рисуетъ самого Чета Челпанова и его дѣятельность въ качествѣ глашатая новой религіи. Популярность Чета Челпанова, бѣднаго пастуха, пасшаго чужой скотъ по порученію хозяевъ, разѣзжавшаго по всему Алтаю для продажи скота, началась въ маѣ мѣсяцѣ 1904 года, когда онъ объявилъ непримиримую войну шаманизму. Со своей проповѣдью онъ появился какъ разъ въ той самой мѣстности, гдѣ шаманство держалось особенно упорно, гдѣ даже оо. миссіонеры признавали свое полное безсиліе,—въ районѣ р. Ябагана.

Челпановъ началъ съ заявленія, что моленія съ кровавыми жертвоприношеніями, съ дикими криками, завываньями и кривляньями шамана способны только оскорблять Бога.

Бубны, неистовые крики, весь ритуаль шаманства противенъ достоинству божества. Въмѣсто того онъ совѣтовалъ молиться на открытыхъ мѣстахъ, съ колѣнопреклоненіемъ три раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ. На моленьяхъ предлагалъ ставить березки, украшать ихъ лентами, жертвы допускалъ только въ видѣ возліянія моло-

комъ, виномъ, въ видѣ приношеній сыромъ и окуриванія верескомъ. Алтайцы обѣднѣли, ихъ притѣсняють, и причиной этого служить нечестіе алтайцевъ. Наступаютъ тяжелыя времена, времена расплаты за старыя и новыя грѣхи. Скоро съ неба станетъ падать огонь, изъ земли будутъ бить ключи, которые затопятъ долины, а горы будутъ трястись и разсыпаться. Спасутся только тѣ, которые будутъ молиться непрерывно, вѣрныхъ спасетъ родоначальникъ алтайскаго народа—богъ Ойратъ. Онъ будетъ ѣздить на бѣломъ конѣ по горамъ и защищать отъ бѣдъ своихъ потомковъ.

Самъ Четь лишь изрѣдка показывался народу, а свои велѣнія передавалъ народу черезъ падчерицу, дѣвочку 14 лѣтъ. Она выѣзжала на бѣломъ конѣ къ народу и звонкимъ дѣтскимъ голоскомъ, связно, бойко и одушевленно произносила рѣчи къ народу. Вліянія Челпанова, говоритъ г. Клеменцъ, было такъ велико, что, несмотря на страхъ передъ шаманами, народъ отбиралъ у нихъ бубны, костюмы и ихъ самихъ доставлялъ къ Чету. Все это сжигалось, а шамановъ Четь заставлялъ возить камни: „вы грѣшнѣе всѣхъ, говорилъ онъ имъ, вы соблазняли народъ, а потому трудитесь и молитесь“. Многіе съѣзжались къ Чету, устроившему въ долину р. Конерты юрту, чтобы видѣть обѣщанныя чудеса, но не дождавшись ихъ, уѣзжали. На другихъ обаяніе личности Чета было такъ велико, что они жили у него подолгу и многіе изъ нихъ пригоняли стада овецъ, чтобы прокармливать собравшихся на поученія Чета и общую молитву *).

Такъ обрисовываются главнѣйшія положенія ученія Чета Челпанова. Уже послѣ его ареста нѣкоторые изъ послѣдователей передавали г. Клеменцу, что въ мірѣ все идетъ въ такомъ порядкѣ, и четыре времени года такъ правильно чередуются между собою, что, навѣрное, всѣмъ этимъ управляетъ одно лицо, иначе, будь ихъ много, они поссорились бы, и все перепуталось бы. Это уже показываетъ на глубокое измѣненіе въ самыхъ основахъ религіознаго міросозерцанія алтайцевъ.

Такова суть ученія Чета Челпанова, поскольку оно пока

*) „Вѣстникъ Русск. Геогр. Общ.“ по XLІ, вып. I, докладъ г. Клеменца; „С.-Петербургскіе Вѣдомости“ отъ 7 ноября 1904 г. № 306, отчетъ о сообщ. г. Клеменца собранію членовъ Географическаго Общества о религіозномъ движеніи на Алтай.

могло быть восстановлено по рассказамъ самихъ алтайцевъ. Оно выросло на почвѣ тѣхъ самыхъ религіозныхъ воззрѣній, которыми алтайцы жили до вчерашняго дня. Черезъ возвращеніе къ старымъ, полузабытымъ, стертымъ народною памятью религіознымъ положеніямъ, религіозное міросозерцаніе алтайцевъ сдѣлало огромный шагъ впередъ, отрехшись отъ шаманства съ его кровавыми жертвоприношеніями, дикими завываніями и мучительно-изступленными кривляніями. Можетъ быть, недавніе боги еще и сохранились въ сердцахъ народа, но уже роли ихъ не тѣ, что было еще такъ недавно: во имя ихъ уже не подвергаются мучительнѣйшимъ казнямъ животныя; богамъ приходится обходиться безъ кровавыхъ жертвъ, да и самое ихъ положеніе стало шаткимъ, такъ какъ въ ближайшее же время, по примѣру своихъ предшественниковъ, имъ предстоитъ также отправиться на покой, уступивъ мѣсто единому божеству, можетъ быть, не болѣе доброму, чѣмъ Ульгень, но уже не требующему для себя свѣжей, дымящейся крови... А это, съ культурной точки зрѣнія, огромный шагъ впередъ.

Въ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго, а тѣмъ болѣе непонятнаго. Какъ я уже упоминалъ, лучшіе представители алтайцевъ давно уже испытывали неудовлетворенность своей религіей и тяжелое томленіе по новой религіозной истинѣ. Эту истину народъ извлекъ изъ того же круга несложныхъ религіозныхъ идей, которыми онъ жилъ, очистивъ ихъ отъ всего, что въ нихъ противорѣчило его нравственному чувству, питающемуся впечатлѣніями современности. Это очищеніе удалось достигнуть черезъ возвращеніе народной памяти къ давно исчезнувшему прошлому, почти стертому временемъ. Четь Челпановъ явился только выразителемъ той эволюціи, которую претерпѣла религіозная мысль народа. Вотъ почему ни арестъ Чета Чепланова, ни разгромъ мольбища и разграбленіе сотенъ семей алтайцевъ не могли остановить разъ возникшаго религіознаго движенія. Лѣтомъ 1905 г. мнѣ пришлось быть на Алтаѣ, посѣтить тѣ именно мѣста, гдѣ собирались алтайцы для молитвы и гдѣ ихъ истязали съ благословенія служителя православной церкви, и я нигдѣ уже не встрѣчалъ ни шаманскихъ жертвенниковъ, ранѣе повсюду попадавшихся, ни самихъ шамановъ (камовъ). По словамъ алтайцевъ, народная масса

рѣшительно порвала съ шаманствомъ, и только въ одномъ пунктѣ оно еще удержалось. Проѣзжая Алтаемъ, я всюду встрѣчалъ молибща новаго типа, установленное Четомъ,—окруженное березками и украшенное лентами. Четъ Челпановъ въ два мѣсяца сдѣлалъ то, чего оо. миссіонеры не могли достигнуть въ семьдесятъ лѣтъ*). Правда, этотъ ре-

*) Изложенное въ этой статьѣ кровавое, безобразное событіе, переносающее читателя въ X вѣкъ, когда разные Добрыни и Путаты крестили огнемъ и мечемъ,—лишній разъ и на конкретномъ частномъ примѣрѣ показываетъ невѣжество и неспособность нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ бюрократовъ. Съ одной стороны, такъ называемые миссіонеры на Алтаѣ ярко обнаружили свое абсолютное невѣжество, полное незнаніе окружающей среды и рѣшительное неумѣніе хотя сколько нибудь разбираться въ текущихъ событіяхъ и эксплуатировать ихъ въ свою пользу. Въ самомъ дѣлѣ, роковой неустѣхъ проповѣди христіанства среди такихъ кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ Сибири какъ алтайцы, чукчи, тунгузы, коряки и т. п., заключается въ глубокой, непроходимой пропасти, которая лежитъ между отвлеченными догматами христіанства и первобытнымъ міровоззрѣніемъ этихъ инородцевъ, ихъ основнымъ анимизмомъ и фетишизмомъ. Слѣдовательно, первая задача здравой миссіонерской политики должна заключаться въ томъ, чтобы заполнять эту пропасть, послѣдовательно переводить инородцевъ въ высшія и высшія стадіи духовнаго развитія. Значить, алтайскіе миссіонеры должны были бы, напротивъ, весьма сочувствовать движенію среди самихъ алтайцевъ противъ шаманизма, какъ очень низкой формы религіознаго развитія, даже помогать ему. Но по своему невѣжеству эти „миссіонеры“ не только просмотрѣли сами это явленіе, которымъ могли бы воспользоваться въ своихъ прямыхъ интересахъ, но не поняли его и тогда, когда оно вышло на свѣтъ Божій, и даже при помощи полиціи старались его уничтожить. Ничего подобнаго не сдѣлали бы протестантскіе, англиканскіе и даже католическіе миссіонеры, которые носятъ въ душѣ дѣйствительное убѣжденіе въ пользѣ и правотѣ своей работы, которые радѣютъ о самомъ дѣлѣ, а не о бумажныхъ отчетахъ и механическомъ отправленіи церковно-полицейскихъ обрядовъ и формъ, какъ наши, которые искренно стараются лишь о сохраненіи своего мѣста на государственной службѣ. Съ другой стороны, въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ обнаруживается поразительное невѣжество и уѣздной администраціи, ея наивность и крайняя односторонняя чувствительность въ извѣстномъ направленіи. Невѣжественный бійскій исправникъ, несмотря на всю географическую несообразность, легко повѣрить слуху, будто во всемъ этомъ „японская интрига“; кромѣ того, онъ, очевидно, не имѣлъ никакого понятія ни о численности этихъ инородцевъ, ни о врожденномъ миролюбіи, слабости, крайне плохомъ вооруженіи этихъ авѣролововъ-охотниковъ. Достаточно было произнести слова: „бунтъ“, „возстаніе“, „покушеніе на православную вѣру“, чтобы наивный и невѣжественный администраторъ потерялъ голову и провозгласилъ крестовый походъ. И это уже послѣ

зультатъ достигнуть тяжелой цѣной народной крови, цѣною потери многими имущества и свободы, но вѣдь и это не случайное явленіе: іюньскій разгромъ со всѣми сопровождавшими его ужасами и комическими эпизодами такъ характеренъ для положенія въ нашемъ отечествѣ всѣхъ, кого называютъ инородцами и за кѣмъ до сихъ поръ не признается правъ на человѣческое существованіе. Алтайское побоище, жестокое и бессмысленное, есть та малая „капля воды“, въ которой лишь отражается общее безправіе страны, безпомощно сгибающейся подъ тяжестью полицейскаго кулака и произвола *).

С. Швецовъ.

того, какъ томскій губернаторъ ген. Старынкевичъ не нашелъ ничего политическаго въ движеніи среди инородцевъ, которые, какъ язычники, находились вѣтъ всякой опеки бійскаго епископа Макарія и были совершенно свободны отъ его юрисдикціи. Это слѣдовало бы знать высшему представителю государственной власти въ Бійскомъ уѣздѣ.

*) Разборъ этого дѣла назначенъ на 26 мая 1906 г. въ г. Бійскѣ.

Ред.